

УДК 392

КУЛЬТУРНОЕ ВЛИЯНИЕ КИТАЙЦЕВ НА АБОРИГЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ УССУРИЙСКОГО КРАЯ В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА¹

Ткачёва Наталья Николаевна, кандидат политических наук, доцент департамента психологии и образования Школы искусств и гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, РФ). E-mail: nataltk@mail.ru

Ткачёв Сергей Викторович, кандидат политических наук, заведующий политехническим музеем Учебно-научного музея Школы искусств и гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, РФ). E-mail: sertk@mail.ru

С момента присоединения Уссурийского края к Российской империи в 1860 году китайцы рассматривались властями исключительно как «вредный» элемент колонизации края. И такой подход полностью поддерживается в среде местных чиновников и военнослужащих. Отчасти это объясняется ощущением «жёлтой угрозы». С другой стороны, славянские поселенцы в Уссурийском крае непосредственно конкурировали с китайцами за одни и те же сельскохозяйственные угодья. Кроме того, китайские подданные не подчинялись требованиям российских властей, их невозможно было контролировать. Особо отмечалось, что китайцы в бесчеловечной форме эксплуатируют аборигенов края. Однако реальные отношения между аборигенами и китайцами были гораздо более сложными, особенно в культурной сфере. Цель данной работы – дать объективную оценку культурному влиянию китайцев на аборигенов края в дореволюционный период. В качестве основных источников были использованы в значительной степени неопубликованные полевые дневники В. К. Арсеньева (1906–1909), а также малоизвестная работа С. Н. Браиловского «Тазы или Уди́е» (1902). Основное внимание в статье сконцентрировано на проблемах совместного проживания китайцев и аборигенов в одних селениях, появлении новых видов хозяйственной деятельности и изменениях в быту. Также в статье предпринимается попытка сравнения разных групп аборигенов по степени влияния китайцев и делается вывод о механизме адаптации малочисленного этноса к новой культурной среде.

Ключевые слова: китайцы, аборигены, Уссурийский край, культурное взаимодействие, быт, обычаи, адаптация.

CHINESE CULTURAL INFLUENCE ON THE ABORIGINAL POPULATION OF THE USSURI REGION IN THE MIDDLE 19TH – EARLY 20TH CENTURY²

Tkacheva Natalya Nikolaevna, PhD in Politics, Associate Professor of Psychology and Education Department of Art and Humanity School, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: nataltk@mail.ru

Tkachev Sergey Viktorovich, PhD in Politics, Head of Polytechnic Museum of Educational Scientific Museum of Art and Humanity School, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: sertk@mail.ru

Since the Ussuri region joined the Russian Empire in 1860, the Chinese was considered by authorities exclusively as a ‘harmful’ element of the colonization of the region. And this approach is fully supported among local officials and military personnel. This is partly due to the feeling of a ‘yellow peril’. On the other hand, Slavic settlers in the Ussuri region directly competed with the Chinese for the same agricultural land. In addition, the Chinese subjects did not obey the requirements of the Russian authorities, they could not be controlled. It was especially noted that the Chinese in inhuman form exploited the aboriginal. However, the real relationship between the aborigines and the Chinese was much more complicated, especially in the cultural

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-009-00393.

² The reported study was funded by RFBR according to the research project no.18-009-00393.

sphere. The purpose of this work is to give an objective assessment of the cultural influence of the Chinese on the Aboriginal of Ussuri region in the pre-revolutionary period. The authors of this article use the unpublished field diaries of Vladimir Arsenev (1906-1909) as well as the little-known work of Sergei Brailovsky 'Tazy or Udihe' (1902) as the main sources. The focus of the article is on the problems of living together of Chinese and Aborigines in some villages, appearance of new types of economic activities and changes in everyday life. The authors of this paper also attempt to compare different groups of aborigines according to the degree of influence of the Chinese and draw a conclusion about the mechanism of adaptation of a small ethnic group to a new cultural environment.

Keywords: Chinese, Aborigines, Ussuri region, cultural interaction, everyday life, customs, adaptation.

Вопрос, поднимаемый в данной статье, в рамках научного и публицистического дискурса не нов. С момента присоединения Уссурийского края к Российской империи в 1860 году (и даже ранее, – с исследовательских путешествий Л. Шренка, К. Максимовича, М. Венюкова, Н. Аносова, Н. Будищева, Р. Маака в конце 1850-х) начинаются всё более активные контакты с аборигенным и обычным китайским населением – торговцами, промысловиками, земледельцами – и, соответственно, поднимается общественное обсуждение вопросов о возможности совместного проживания, взаимодействия, лояльности российской власти и т. д. Это естественно. Однако вызывает некоторое удивление практически единодушное (хотя и с разной степенью категоричности) отрицательное мнение о китайцах, проживающих на Дальнем Востоке России и, в частности, о них как беспринципных эксплуататоров аборигенов края.

Так, например, у Леопольда Шренка, совершавшего своё путешествие по Уссурийскому краю в 1854–1856 годах, мы находим следующее: «Гольды живут под постоянным страхом быть ограбленными маньчжурскими чиновниками, чувствуя себя кроме того совершенно бессильными против китайских купцов, которые, навязывая им в долг водку, табак, материи для одежды и тому подобные товары, делают их своими неоплатными должниками» [20, с. 58].

Примерно то же самое можно обнаружить у Николая Михайловича Пржевальского: «Добычу же от звериной охоты они (тазы³) меняют манзам (местное название китайцев в то время –

³ Часто встречающееся общее название аборигенов юга Уссурийского края, как правило, подвергшихся значительной китаизации: «Их обыкновенно означают и особым названием, данным им китайцами, – Тац-дзе, а с русским окончанием: Тацзы или Тазы» [19, с. 24].

прим. авт.⁴) на буду, водку и разные другие вещи, для них необходимые. Хитрые манзы держат тазов в постоянной кабале у себя, давая им в долг всё, что для них нужно, и за это обязывают доставлять им всю добычу своей охоты, конечно, по самым ничтожным ценам... Кроме того, женщины их часто поступают к манзам в наложницы» [16, с. 194–195]. Вторит ему начальник переселенческого управления края Фёдор Фёдорович Буссе: «Аборигены... занимаются промыслами... в качестве рабочих у хозяев манз, поработивших гольдов и тазов неоплатными долгами» [8, с. 18]. Ещё жёстче звучат слова известного исследователя севера края в то время подполковника Генерального штаба Ивана Павловича Надарова: «Орочоны... мало того, что состоят в неоплатном долгу у китайцев, они ещё находятся почти что в крепостном состоянии у последних... Я готов даже сказать, что орочоны состоят в рабстве у китайцев. Китаец считает себя в праве во всякое время без суда учинить расправу над орочоном и отобрать у него все имущество, не исключая оружия и огнестрельных припасов. Ещё не так давно то время, когда те же китайцы позволяли себе отбирать жен и детей и продавать их другим орочонам или китайцам» [14, с. 114].

Выдающийся российский экономист Александр Аркадьевич Кауфман, совершавший в 1901 году путешествие по тем же местам, в своих дневниках передает слова местного пристава: «Орочёны у китайцев в долгу, как в шелку; китайцы, положим, и хлебопашеством занимаются, а больше промышляют орочёнами: торгуют с ними, снаб-

⁴ Маньцзы, то есть не Маньчжуры, а китайцы, или выходцы из Китая... Здесь уже начинают называть китайцев, временно или постоянно живущих в маньчжурии, маньцзами; многие китайцы, говоря о своей национальности, тоже называют себя не Хань жень (Китайцы), а маньцзы [15, с. 34].

жают их в долг хлебом, порохом, – всем, что им нужно, а от них берут за это соболей, женьшень; ну, а с неисправными должниками не церемонятся – судят их своим судом, подвешивают за связанные руки или вниз головой, бьют особенною палкой, с оглоблю толщиной» [11, с. 122].

Из положительных оценок на память приходит лишь публикация Олимпиады Васильевой, проживавшей в 1870–1871 годах вместе с мужем – врачом – в гавани Св. Ольги: «Сближению между манзами и тазами самое тесное; они нуждаются друг в друге: манз снабжает таза различными товарами и жизненными припасами; таз же хороший охотник и снабжает манза плодами своей охоты; самая же главная причина сближения – холостая жизнь манз, которые женятся на тазачках» [9, с. 70].

Вообще, китайцы как «вредный» элемент колонизации края не только безусловно доминируют в публикациях того времени на данную тему, но такой подход полностью поддерживается в среде местных чиновников и военнослужащих. Отчасти это объясняется, вполне, кстати, понятным ощущением «жёлтой угрозы». С другой стороны, славянские поселенцы в Уссурийском крае непосредственно конкурировали с китайцами за одни и те же сельскохозяйственные угодья [18]. Кроме того, «китайские подданные не подчинялись требованиям российских властей, их невозможно было контролировать, они не поддавались никаким мерам для регулирования порядка пребывания их на российской территории» [13, с. 34].

Один из самых известных критиков китайского присутствия в регионе – Владимир Клавдиевич Арсеньев. В его весьма обширном опубликованном наследии данному вопросу уделяется особое внимание, он из публикации в публикации возвращается к этой тематике, и при этом наделяет китайцев впечатляюще неприятным набором человеческих качеств. Из положительных – пожалуй, только гостеприимство, этническая сплочённость и неприхотливость (разумеется, последние два качества также оказываются проблемой для российских властей). При этом Арсеньев остаётся наиболее авторитетным исследователем края, который в ходе своих многочисленных сухопутных экспедиций непосредственно наблюдал взаимоотношения аборигенов края и китайцев. Конечно, его мнение для нас очень важ-

но. Поэтому мы обратились к первоисточнику – путевым дневникам Арсеньева, которые он вёл во время экспедиций (1906–1909).

Изучая эти материалы, мы пришли к выводу, что реальные отношения между аборигенами края и китайцами были гораздо более сложными, чем это кажется по прочтении опубликованных материалов Арсеньева. Ниже мы приведём примеры из этих дневников, которые касаются межкультурных обменов и социальных противоречий между аборигенами края и китайцами и при этом часто не укладываются в общепринятую парадигму.

Также нам показалось интересным добавить здесь мнение Сергея Николаевича Браиловского, человека совершенно неординарного, обладавшего, безусловно, независимой точкой зрения, непрофессионального путешественника с немного наивным взглядом на мир. Известный в России педагог и специалист по средневековой русской литературе⁵ он достаточно случайно оказался на Дальнем Востоке в последние годы XIX века и с огромным энтузиазмом включился в деятельность Общества изучения Амурского края, оставив здесь после себя монографию «Тазы или Удихэ» [7] (малая золотая медаль Императорского русского географического общества), а также многочисленные заметки в местной прессе о своих путешествиях. Кроме всего вышеперечисленного, взгляд Браиловского нам интересен ещё и потому, что он не являлся ни государственным чиновником, ни военнослужащим, то есть был свободен в своих оценках от мнения местных властей.

Мы позволили себе объединить высказывания этих исследователей не в хронологической последовательности, а по различным вопросам культурного взаимодействия. Цель данной работы – дать объективную оценку культурному влиянию китайцев на аборигенов края в дореволюционный период.

Совместное проживание

Китайцы начали проникать в Уссурийский край в начале XIX века⁶. Основная особенность этого переселения заключалась в том, что до конца XIX века мигрантами оставались практически исключительно мужчины (см. рис. 1). Это

⁵ Об этой сфере деятельности учёного см. [12].

⁶ О времени появления китайцев в Южно-Уссурийском крае см. [17].

создавало значительный гендерный дисбаланс, отягощённый традиционным дефицитом женщин у аборигенов региона.

Семьи тут (село Кэмэ на р. Такхома) смешанные, потому что манзы поженились на женщинах уди́хэ; происшедшее поколение женится между собою, и происходит сильное смешение крови уди́хэ и манзовской. Лучшие всего это будет видно из следующего указания на состав семей. В первой фанзе 10 жителей: хозяин-китаец женат на женщине уди́хэ; родившийся от этого брака сын женат на уди́хэ и имеет от брака с нею двух дочерей и одного сына. Кроме названных членов семьи, здесь живёт – работник с женою, оба уди́хэ и работник – манза (5 м., 5 ж.). В другой фанзе из 8 жителей – два китайца, один кореец, остальные – уди́хэ (6 м., 2 ж.); в третьей фанзе все пять жителей – уди́хэ (3 м., 2 ж.), в четвертой из 9 жителей (6 м., 3 ж.) три китайца; пятая состоит из 3 манз; шестая из уди́хэ (2 м., 2 ж.). Во временном балагане, встреченном при устье Такхомы жили пастухи – один уди́хэ, другой – китаец [7, с. 50–51]. Этот случай является вполне типичным для региона образцом совместного полиэтничного проживания. Очень часто рядом с корейскими поселениями находилось несколько китайских фанз, хозяева которых имели корейских жён. Однако стоит отметить одну, обнаруженную нами, особенность – на фанзе, где хозяин – китаец, а жена – кореянка, практически не встречаются коренные жители края ни в качестве «работников», ни в качестве «проживающих» [17, с. 173].

На р. Та-Судухэ в фанзах уди́хэ я встречал манз-стариков, кормимых потому только, что последние долго с ними жили вместе, чрез что сделались “всё равно, как родственники” [7, с. 145]. Это – интересное замечание, которое нам встречается только в работе С. Н. Браиловского. Оно объясняет значительное число престарелых китайцев, живущих у тазов по переписи Висленёва 1879 года.

Китаец, женившийся на ороченке, называет себя тазой и уже претендует на землю [1, с. 58]. С одной стороны, это наблюдение Арсеньева говорит о том, что среди китайцев отсутствовала этническая нетерпимость. С другой – эта особенность позволяла им свободно «мимикрировать» в тазов, если это было экономически выгодно. Последствия этого мы можем увидеть в

следующей информации Браиловского. Тазы эти в 1895 году были изгнаны вместе с манзами с Сучана по одному сплошному недоразумению, вследствие незнакомства пристава Маркова с племенным составом Сучанского участка [6, с. 33].

Тем не менее китайцы занимают доминирующее положение в таёжных районах края. На каждой реке есть китайский старшина, который является как бы административным начальником местного населения. Его все слушаются и решению его все беспрекословно подчиняются [1, с. 15]. Как и всюду в северных районах, куда только проникли манзы, начальниками долины, то есть во главе управления стоят китайцы, орочи же никакими правами не пользуются и составляют нечто вроде низшей касты [4, с. 59]. Это положение Арсеньева достаточно спорно, и он сам в других местах своих дневников говорит об этом. Дело в том, что исследователь находится под впечатлением известных ему «законов» («Гуан-и-хуэй»), которыми регулировались отношения китайцев и аборигенов в таёжных районах края. Реальность же, как это обычно бывает, далеко расходится с любимыми регламентами.

За всё время пребывания своего среди уди́хэ, и на Сучане, и на побережье Татарского пролива, я нигде не встретил такого хорошего (относительно) земледельческого инвентаря, какой всюду имеется у манз. Не видя во дворах уди́хэ ни плуга, ни быка, ни лошади, я с удивлением спрашивал, каким образом они обрабатывают подчас довольно обширные поля. Ответ получался всегда один и тот же: «манзы даром дают». Впрочем, по словам ольгинского пристава г. Шкуркина, уди́хэ, живущие близ залива св. Ольги, некогда, не так давно, имели большой сельскохозяйственный инвентарь и скот, но манзы сумели всё прибрать к своим рукам [7, с. 86–87]. К этому наблюдению Браиловского следует отнестись с осторожностью, ведь и земледелие, и скотоводство, а также, соответственно, сельскохозяйственный инвентарь оказались знакомы местным коренным жителям практически исключительно через посредство китайцев. Возможно, ольгинский пристав слабо различал манз и уди́хэ.

Когда китаец придет к своему должнику, он живёт в его доме на полном иждивении, ест сам, кормит своих собак и ни копейки, ни за что не платит. По обычаю гостеприимства и орочи отказать не могут и часто отдают последнее

[3, с. 49]. По-видимому, такое злоупотребление гостеприимством действительно имело место и может трактоваться, как форма экономического принуждения. Однако это явление не носило этнического характера: задерживались у своих должников и гилякские торговцы, и русские.

Конкуренция манз, людей денежных, ведёт к тому, что многие удийэ осуждаются на невольное одиночество. Мне лично приходилось встречать до десятка бобылей, которые в течение сорока лет не собрали денег для покупки жены [7, с. 175]. Эта проблема являлась одной из основных причин, приводивших к сокращению коренного населения и его ассимиляции в рассматриваемый период. Частично этого вопроса мы коснёмся ниже, хотя он требует гораздо более глубокого анализа. Можно лишь отметить, что это – интересный пример влияния чисто экономического фактора на выживание этноса в целом. При этом не стоит преувеличивать значение и «покупки» жены – она могла при желании всегда вернуться к родителям.

Замужняя женщина очень легко смотрит на свои отношения ко всем посторонним мужчинам. Муж также знает это, но не ревнует жену. Ревность в нём проявляется, если жена его отдаётся другому в его присутствии. Сплошь и рядом случается, когда ороц делится женой со своим кредитором, нарочно уступая ему своё брачное ложе, уходя для сего на время из своего жилища [4, с. 83]. Вопрос «нравственности» аборигенов края, на самом деле, очень волновал исследователей, но широкой публике были известны только красочные описания насилия китайцев-кредиторов над жёнами и детьми несчастных туземцев-должников. По информации из путевых дневников Арсеньева ситуация выглядит несколько иначе. Женщин действительно не хватало вследствие, в первую очередь, мужского характера китайской миграции в край. Однако проституции не было – вопрос решался просто значительной свободой нравов среди женщин. Для мужа, в свою очередь, более значимым был увод жены в другой дом, а не её измена.

Рисунок 1. (Китайки). Рисунки мальчика-гольда из миссионерской школы селения Найкин (р. Амур) [5, с. 110–111].

Вызывает интерес вопрос о том, где мальчик с нижнего течения Амура мог увидеть китайку. Можно предположить, что он бывал в Маньчжурии на р. Сунгарии.

Новые виды деятельности

Непосредственные изменения жизненного уклада, в первую очередь, проявляются в изменении сфер деятельности. Аборигены нашего региона были, прежде всего, охотниками. Под влиянием новых условий они, в основном, лишь немного меняют специализацию, которая требует уже имеющихся навыков – соболевание, добыча пантов⁷, работа проводником, даже поиск женьшеня. Земледелие всё же остаётся побочным видом деятельности, даже несмотря на то что рацион питания стал более разнообразным. Но в любом случае здесь мы видим исключительное влияние китайцев.

Нет сомнения, что охоту за пантами создали манзы. По рассказам старожилков, глубоких стариков, до прихода манз в долину р. Та-Судухэ, там было очень много пантов, так много, что им не придавали никакой цены и проигрывали в карты. Когда же пришли сюда манзы, панты повысились в цене, но их стало совсем мало [7, с. 77]. Этот отрывок из работы Браиловского имеет двусмысленный характер: пантование было у аборигенов до прихода манз, но панты ничего не стоили, а охоту за пантами создали манзы. На самом деле тазы, по-видимому, добывали панты по случаю, задолго до прихода в край китайцев, – покупать их могли, например, маньчжуры, – но при этом именно в Китае существовал крупный спрос на молодые рога. С другой стороны, конечно, нет сомнения, что пантование, как одну из самых важных сфер деятельности уссурийских коренных жителей, создали китайцы.

Истребление лесов пожарами и уменьшение из года в год зверя, случайность нахождения женьшеня, не всегда удачный лов рыбы побуждают уди́хэ, особенно там, где он соприкасается с манзами, ввести новый фактор в своё экономическое существование. Я говорю о земледелии... Тех уди́хэ, которые умеют садить картофель, научили этой отрасли хозяйства манзы... На р. Самарге в огородах, кроме картофеля, на-

⁷ Молодые рога оленей (марал, изюбрь, пятнистый олень).

чинают возделывать немного буды, тоже по примеру китайцев [7, с. 86]. Китайцы научили орощён удобнее и лучше обрабатывать землю, показали, как молоть хлеб жерновами и т. д. [1, с. 16]. Не более 20 лет назад ороши не имели никакого понятия ни о муке, ни о чумизе [5, с. 3]. Именно китайцы принесли аборигенам уссурийской тайги навыки земледелия. Стоит отметить, что им очень понравились китайские крупы (буда, гаолян), как лакомство ели японский рис (русскую гречу есть отказывались, подаренные сухари поначалу выбрасывали, но постепенно привыкли), при этом всё-таки земледелие оставалось занятием второстепенным и, в основном, женским.

Изменения в быту

Бытовые изменения в жизни коренных жителей края под влиянием китайцев были очень значительны, и это – одна из немногих сфер их взаимодействия, которая не подвергалась обструкции со стороны российских исследователей. В целом, конечно, эти изменения должны были нести положительный характер. Но не стоит забывать, что они стимулировали товарные отношения, в которых коренным жителям трудно было оказаться в выигрыше. Китайцы при этом не просто торговали, а формировали новые потребности у аборигенов, заставляя их, в конце концов, более интенсивно трудиться.

«Прежде было совсем не так, как теперь. Когда манз не знали, тогда всё – одежда и домашняя утварь – делалось из бересты и кож; ваты и дабы тогда не было, не было!» – так жаловалась мне старая женищина – уди́хэ [7, с. 133]. Ещё очень недавно, лет 20–30 тому назад все ороши носили исключительно одежду из кожи зверей и рыбьей кожи и только теперь начали покупать сукно, полотно, дрель и шить из них себе костюм [5, с. 3].

В южной части территории уди́хэ чаще попадаются подушки второго сорта, в чём нельзя не видеть влияния китайцев. Там же часто встречаются манзовские одеяла, так называемые «тигры», то есть простые шерстяные одеяла с изображением тигра и черным подкладом [7, с. 131].

Торговля не ограничивалась одеждой. Традиционно аборигены края охотились с помощью лука и копья. Китайцы привезли в уссурийскую тайгу огнестрельное оружие, которое очень бы-

стро стало незаменимым для каждого охотника. Уже с появлением китайских купцов незадолго до явления русских очень изредка у орочей стали появляться фитильные китайские изношенные старые ружья, купленные за большие деньги [5, с. 2]. Арсеньев сообщает о появлении в крае после русско-японской войны многочисленных случаев продажи абorigенам и китайцам с японских судов русских винтовок по бросовой цене. Надо отметить, что российские законы запрещали владеть огнестрельным оружием на своей территории иностранцам, то есть коренные жители края могли иметь в пользовании ружья, а китайцы нет. Впрочем, манзы в тайге даже не пытались этот закон соблюдать.

Ответная реакция на иную культурную среду

Наконец, мы решили продемонстрировать, каким образом этническая группа пытается сохранить свою идентичность в изменившейся культурной среде. Мы только коснёмся этого вопроса, потому что он, на самом деле, чрезвычайно сложен, и человечество выработало массу вариантов его решения разной степени завершённости: от ухода (для избегания любых контактов) до полной культурной и этнической ассимиляции (либо растворение своей группы в чужом обществе, либо поглощение чужой группы в своей). В конце концов, в истории немало примеров и этноцида. В любом случае, этнос, как некая общность, достаточно консервативен и имеет «инстинкт самосохранения», который выражается в культивировании и защите своих особенностей – своего языка, фольклора, одежды, системы матримониальных отношений и табу, в общем, всего того, что мы называем национальной культурой.

В этом отношении весьма примечательно сравнение, данное Арсеньевым в путевых дневниках экспедиции 1908–1909 годов, двух родственных этносов – орочей Императорской гавани и кэка⁸ (кякала, тазы). Первые заселяли север Уссурийского края, вторые – юг. Соответственно, большому влиянию китайцев были подвержены именно кэка. Более того, Браиловский приводит следующее авторитетное мнение архимандрита Палладия: «Кякала были прежде в Хуньчуньской области (северный Китай – прим. авт.), но те-

перь, по-видимому, сосредоточились в середине Уссурийского поморья. Это племя заслуживает особого внимания»⁹. С точки зрения Арсеньева, кэка и орочи Императорской гавани – очень близкие родственники. При этом: *Орочи, живущие в Императорской гавани, считают себя чистыми, настоящими орочами. Такими же считают и орочей с р. Коти... Орочей, живущих на р. Тоотчи до Самарги они не считают «орочами» в полном смысле этого слова. По их словам, это не чистые орочи и они называют их «кэка»* [5, с. 78].

Одежда и внешний вид

Кэка одеваются иначе, чем орочи. Орочи одеваются просто, расшитый костюм имеют только женщины, у кэка расшитые костюмы носят и все мужчины [5, с. 78–79].

Чистые орочи давно уже изменили свою одежду под влиянием русских. Всё меньше и меньше можно видеть одежду из кожи (сохатый) и из рыбьей кожи. Кэка чаще одеваются в рыбью кожу и кожи зверей [5, с. 81].

Орочи говорят, что кэка часто одеваются по-китайски [5, с. 79].

Орочи носят одну косу, женщины их – две косы; у кэка и мужчины, и женщины носят по две косы [5, с. 79].

Чистые орочи (старики) принципиально носят в носу серьги (сандиха). Молодые уже редко носят [5, с. 105]. Примечательно, что у О. Васильевой (1872 год, то есть за 36 лет до наблюдений Арсеньева) находим: *отличительная же черта Таз – серьга в носу* [9, с. 67] (бухта Св. Ольги, которую описывает Васильева, это территория распространения кэка, и по её описанию это – кэка).

Язык

Чистые орочи не говорят по-китайски. Кэка все говорят по-китайски [5, с. 79].

Матримониальные отношения

По их мнению (орочей Императорской гавани), в жилах кэка есть часть крови китайской. Тем не менее чистые орочи часто берут себе в жёны женщин от кэка.

Орочи могут себе брать в жёны девушку из другого, но родственного народа, например, от гольдов и тунгусов, но не было случая брака с русской или китайской женщиной, или с якуткой. У кэка допускается брак между очень близ-

⁹ Из неизданных «Дорожных заметок на пути от Благовещенска чрез Японию в Пекин» арх. Палладия (цит. по [7, с. 6]).

⁸ Чаще всего их отождествляют с тазами.

кими родственниками. Например, брат и сестра от одного отца, но разных матерей имеют право вступить в брак. У орочей этого не допускается [5, с. 81–82].

Табу

У кэка сестра не будет есть медведя, если его убил родной брат, у чистых орочей этого нет [5, с. 79]. То есть кэка слепо следуют предписанной традиции. И это при том, что у них не сохранился «медвежий праздник» (общая традиция у аборигенов Приморья, Приамурья, Сахалина, Хоккайдо), по мнению Браиловского, из-за их кочевого образа жизни и, соответственно, невозможности год содержать медведя.

В общем, хотя кэка и не чистые орочи, но более сохранили свою единую самобытность, чем орочи Императорской гавани [5, с. 81]. Такой вывод делает Арсеньев. И это кажется немного странным, ведь именно кэка уже достаточно долго живут в окружении китайцев и в значительной степени подверглись ассимиляции. Дело в том, что Арсеньев оценивает «самобытность» чисто внешне, через одежду, причёску и т. п. Но наиболее важными элементами культуры, сохранение которых означает сохранение и воспроизводство этноса, являются язык и брачные отношения (из рассмотренных нами выше).

Орочи Императорской гавани сохраняют свой язык, а браки допускают только с женщинами из родственных тунгусских племён. При этом мало внимания уделяют внешним атрибутам этноса, разнообразят одежду, если это удобно и т. д. С кэка – противоположная ситуация: продолжительное существование в окружении китайцев приводит к размыванию основных этнических

особенностей, в первую очередь, исчезает язык. (Летом 1896 года Браиловский на р. Та-Судухэ нашёл «престарелую тазачку Орлгуэго, сохранившую в памяти до двух сотен тазовских слов» [6, с. 34]).

Этнос сопротивляется этим тенденциям, поощряя практику внутригрупповых браков. Но так как эта группа остаётся очень немногочисленной, с течением времени она вынуждена перейти в другую крайность и, наоборот, полностью либерализовать брачные отношения. Это требует какой-то компенсации, и кэка находят её в сохранении внешних атрибутов своей самобытности – прежде всего, в одежде. Похоже, такой алгоритм – обычное явление в жизни исчезающих этносов.

В данной статье мы не ставили перед собой задачу выступить в качестве адвокатов китайского присутствия в регионе того времени, но постараться более объективно посмотреть на этот вопрос. Да, отношения манз с аборигенами были весьма специфичны. Мы действительно встречаем элементы эксплуатации аборигенного населения, но также наблюдаем и вполне терпимые межэтнические связи. Характерно, что китайцы могли вполне успешно «мимикрировать» в аборигены, и это не обязательно преследовало какую-то чисто материальную цель. Известно, что в местных китайских «законах» (например, «Гуан-и-хуэй») положение аборигенов было хоть и подчинённое, но как к младшим братьям в одной общине. Наверное, с этой точки зрения и нужно рассматривать их взаимоотношения. При этом культурное китайское влияние на аборигенов (во всяком случае на тазов) было подавляющим.

Литература

1. Арсеньев В. К. Путевой дневник 1906 года. – № 3 // О-во изучения Амур. края. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 2.
2. Арсеньев В. К. Путевой дневник 1907 года. – № 1 // О-во изучения Амур. края. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 5.
3. Арсеньев В. К. Путевой дневник 1907 года. – № 3 // О-во изучения Амур. края. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 7.
4. Арсеньев В. К. Путевой дневник 1907 года // О-во изучения Амур. края. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 6.
5. Арсеньев В. К. Путевой дневник 1908–1909 годов // О-во изучения Амур. края. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 10.
6. Браиловский С. Н. Отчёт по командировке на Сучан летом 1896 года С. Н. Браиловского // Зап. О-ва изучения Амур. края. – 1899. – Т. VII. – Вып. 2. – С. 25–37.
7. Браиловский С. Н. Тазы или Удихэ (опыт этногр. исслед.). – СПб., 1902. – 223 с.
8. Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян морем в Уссурийский край в 1883-1893 годах. – СПб., 1896. – 165 с.
9. Васильева О. Гавань Св. Ольги // Изв. Император. рус. геогр. о-ва, 1872 год. – СПб., 1873. – Т. VIII. – С. 55–71.
10. Висленев. Корейцы и инородцы Юж.-Уссур. края Примор. обл.: сб. глав. офиц. док. по управлению Вост. Сибирию. Т. IV. Инород. население Приамур. края. Вып. 2. – Иркутск, 1884. – 479 с.

11. Кауфман А. А. По новым местам. (Очерки и путевые заметки) 1901–1903. По Амуру и Приамурью. В Уссур. крае. – СПб., 1905. – 354 с.
12. Лазарев Ю. В. «Скромный рыцарь русской науки»: С. Н. Браиловский и его науч.-пед. деятельность // Вестн. Рязан. гос. ун-та им. С. А. Есенина. – 2010. – № 4. – С. 21–34.
13. Матюнин Н. Г. Записка о китайцах и маньчжурах, проживающих на левом берегу Амура // Сб. геогр., топогр. и стат. мат-лов по Азии. – СПб., 1894. – Вып. 58. – С. 33–39.
14. Надаров И. Северно-Уссурийский край // Зап. Император. рус. геогр. об-ва. По общей географии. – СПб., 1887. – Т. XVII, № 1. – 167 с.
15. Палладий. Дорожные заметки на пути от Пекина до Благовещенска чрез Маньчжурию в 1870 году. – СПб., 1872. – 130 с.
16. Пржевальский Н. М. Иностранческое население в южной части Приморской области // Изв. Император. рус. геогр. о-ва. – СПб., 1869. – Т. V. – С. 185–201.
17. Ткачёв С. В. Китайцы Южно-Уссурийского края по переписи В. Н. Висленева (1879 год) // Этногр. обозрение. – 2017. – № 5. – С. 159–177.
18. Ткачёв С. В., Ткачёва Н. Н. Истоки конкуренции между русскими и китайскими поселенцами в начальный период колонизации Южно-Уссурийского края (середина XIX – начало XX века) // Этногр. обозрение. – 2016. – № 1. – С. 104–121.
19. Шренк Л. Об инородцах Амурского края. – СПб., 1883. – Т. 1. – 332 с.
20. Шренк Л. Об инородцах Амурского края. – СПб., 1903. – Т. 3. 169 с.

References

1. Arsenyev V.K. Putevoy dnevnik [Travel Diary], 1906, no. 3. *Obshchestvo izucheniya Amurskogo kraya [Society for the study of the Amur region]*, F. 14, op. 1, d. 2. (In Russ.).
2. Arsenyev V.K. Putevoy dnevnik [Travel Diary], 1907, no. 1. *Obshchestvo izucheniya Amurskogo kraya [Society for the study of the Amur region]*, F. 14, op. 1, d. 5. (In Russ.).
3. Arsenyev V.K. Putevoy dnevnik [Travel Diary], 1907, no. 3. *Obshchestvo izucheniya Amurskogo kraya [Society for the study of the Amur region]*, F. 14, op. 1, d. 7. (In Russ.).
4. Arsenyev V.K. Putevoy dnevnik [Travel Diary], 1907. *Obshchestvo izucheniya Amurskogo kraya [Society for the study of the Amur region]*, F. 14, op. 1, d. 6. (In Russ.).
5. Arsenyev V.K. Putevoy dnevnik [Travel Diary], 1908–1909. *Obshchestvo izucheniya Amurskogo kraya [Society for the study of the Amur region]*, F. 14, op. 1, d. 10. (In Russ.).
6. Brailovskiy S.N. Otchet po komandirovke na Suchan letom 1896 goda S.N. Brailovskogo [Report of S.N. Brailovsky about the Business Trip to Suchan in the Summer of 1896]. *Zapiski Obshchestva izucheniya Amurskogo kraya [Notes Society for the study of the Amur region]*, 1899, vol. VII, iss. 2, pp. 25-37. (In Russ.).
7. Brailovskiy S.N. *Tazy ili Udikhe (opyt etnograficheskogo issledovaniya) [Tazi or Udihe (The Experience of Ethnographic Research)]*. St. Petersburg, 1902. 223 p. (In Russ.).
8. Busse F.F. *Pereselenie krest'yan morem v Ussuriyskiy kray v 1883-1893 godakh [The resettlement of peasants by sea to the Ussuri region in 1883-1893]*. St. Petersburg, 1896. 165 p. (In Russ.).
9. Vasilyeva O. Gavan Sv. Olgi [St. Olga Harbor]. *Izvestiya Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva [News of the Imperial Russian Geographical Society]*, St. Petersburg, 1873, vol. VIII, pp. 55-71. (In Russ.).
10. Vislenov. Koreytsy i inorodtsy Vuzhno-Ussuriyskogo kraya Primorskoy oblasti [Koreans and Native People of South-Ussuri Area]. *Sbornik glavneyshikh ofitsial'nykh dokumentov po upravleniyu Vostochnoy Sibir'yu*. Vol. IV. Inorodcheskoe naselenie Priamurskogo kraya. Iss. 2. Irkutsk, 1884. 479 p. (In Russ.).
11. Kaufman A.A. *Po novym mestam. (Ocherki i putevye zametki) 1901–1903. Po Amuru i Priamuryu. V Ussuriyskom krae [Along New places. (Essays and Travel Notes) 1901-1903. Along Amur and the Amur Region. In the Ussuri Region]*. St. Petersburg, 1905. 354 p. (In Russ.).
12. Lazarev Yu.V. “Skromnyy rytsar' russkoy nauki”: S.N. Brailovskiy i ego nauchno-pedagogicheskaya deyatel'nost' [‘The Modest Knight of Russian Science’: S.N. Brailovsky and His Scientific and Pedagogical Activity]. *Vestnik Ryzanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina [Bulletin of the Ryazan State University named for S. Esenin]*, 2010, no. 4, pp. 21-34. (In Russ.).
13. Matyunin N.G. Zapiska o kitaysakh i man'chzhurakh, prozhivayushchikh na levom beregu Amura [The Note about Chinese and Manchurians Living on the Left Side of Amur]. *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i*

- statisticheskikh materialov po Azii [A collection of geographical, topographical and statistical materials on Asia].* St. Petersburg, 1894, iss. 58, pp. 33-39. (In Russ.).
14. Nadarov I. Severno-Ussuriyskiy kray [The North Ussuri area]. *Zapiski Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva. Po obshchey geografii [Notes of the Imperial Russian Geographical Society. In general geography].* St. Petersburg, 1887, vol. XVII, no. 1. 167 p. (In Russ.).
 15. Palladiy. *Dorozhnye zametki na puti ot Pekina do Blagoveshchenska chrez Manchhuriyu v 1870 godu [Travel Notes on the Road from Beijing to Blagoveshchensk through Manchuria in 1870].* St. Petersburg, 1872. 130 p. (In Russ.).
 16. Przhevalskiy N.M. Inorodcheskoe naseleniye v yuzhnoy chasti Primorskoy oblasti [Aborigines in the South Part of Ussuri Area]. *Izvestiya Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva [News of the Imperial Russian Geographical Society].* St. Petersburg, 1869, vol. V, pp. 185-201. (In Russ.).
 17. Tkachev S.V. Kitaytsy Yuzhno-Ussuriyskogo kraya po perepisi V.N. Visleneva (1879 god) [The Chinese of the South Ussuri Region According to the V.N. Vislenev Census (1879)]. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic review],* 2017, no. 5, pp. 159-177. (In Russ.).
 18. Tkachev S.V., Tkacheva N.N. Istoki konkurentsii mezhdru russkimi i kitayskimi poselentsami v nachal'nyy period kolonizatsii Yuzhno-Ussuriyskogo kraya (seredina XIX – nachalo XX veka) [The Origins of Competition Between Russian and Chinese Settlers During the Early Period of Colonization of the South Ussuri Area (mid. 19th- early 20th Centuries)]. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic review],* 2016, no.1, pp. 104-121. (In Russ.).
 19. Shrenk L. *Ob inorodtsakh Amurskogo kraya [About Aborigines of Amur Region].* St. Petersburg, 1883, vol. 1. 332 p. (In Russ.).
 20. Shrenk L. *Ob inorodtsakh Amurskogo kraya [About Aborigines of Amur Region].* St. Petersburg, 1903, vol. 3. 169 p. (In Russ.).

УДК 7.079

СИМВОЛИЗМ ВОДЫ В ФЕСТИВАЛЕ ВХОДА В ГОРОД ФРАНЦУЗСКИХ КОРОЛЕЙ В ПЕРИОД ВОЗРОЖДЕНИЯ

Макарова Нина Ильинична, кандидат культурологии, доцент кафедры философии и гуманитарных наук, Новосибирский государственный университет экономики и управления (г. Новосибирск, РФ).
E-mail: siberianalchemy@gmail.com

Символизм воды играл существенную роль в организации фестиваля входа в город французских королей в период Возрождения. Фестиваль входа знакомил население с новым монархом и способствовал определению властных отношений между правителем и городом. Правитель, посещая город после своей инаугурации, подтверждал традиционные привилегии жителей, а город, в свою очередь, принимал короля как своего «сеньора», выражая свою верность монарху. Если в ранний ренессансный период вода в большей степени символизировала сакральное значение фигуры государя, способного «усмирить» природную стихию, а также преобразить город в цветущий сад, а воду превратить в вино, то, при сохранении идеи власти монарха над природной стихией, постепенно на первый план в XVI веке в организации фестиваля входа стали выходить мотивы морских путешествий и сражений на воде. Начиная с правления Франциска I почти в каждом фестивале входа использовалась морская тематика, интерес к которой был связан в первую очередь с Великими географическими открытиями, освоением новых территорий и идеей создания империи. Тематика римского императорского триумфа стала преобладать над религиозными мотивами, характерными для более раннего периода, и античные божества заменили собой в значительной степени библейские персонажи. Преобладание античной тематики отразило также растущее значение гуманистической элиты, подчеркивающей значение не только военной мощи, но также наук, искусств и законодательства в строительстве сильного централизованного государства.

Ключевые слова: французский Ренессанс, фестиваль входа в город, символизм воды.